

Белоснежные стены, просторная палата. Порыв ветра раздувает синие занавески, и солнечный свет, тайком пробравшись внутрь, золотистыми бликами ложится на лицо спящего юноши.

Цзюнь Юй проснулся и попытался вспомнить, как именно уснул. Кажется, перед отправкой в больницу врач в медпункте сделал ему укол — должно быть, с каким-то анестезирующим или снотворным эффектом. Он невольно досадливо поморщился: какая неосторожность! Что, если кто-то узнает, что он девушка?

Хотя он не до конца понимал, какими именно неприятностями это грозит, сейчас был явно не тот момент, чтобы раскрывать свою тайну.

Одна рука Цзюнь Юя была прикована наручниками к спинке кровати. Видимо, тюремный надзиратель счел, что этого достаточно, ведь шансы на побег ничтожно малы. Когда Цзюнь Юй открыл глаза, в палате никого не было.

Вскоре у двери послышались шаги. Они приближались, и в палату вошел мужчина лет тридцати.

Заметив, что Цзюнь Юй проснулся и с недоумением смотрит на него, мужчина произнес:

— Я надзиратель, приставленный к тебе. Твоему здоровью больше ничего не угрожает.

Цзюнь Юй поблагодарил его. С того момента, как надзиратель вошел, он внимательно наблюдал за ним и заметил, что тот одет в гражданское. Вероятно, чтобы не сеять панику в больнице.

Надзиратель тоже изучал Цзюнь Юя. Убийца? Отцеубийца? Совершить такое в шестнадцать лет — неудивительно, что его приговорили к смертной казни. В глазах надзирателя промелькнула насмешка. Он достал из кармана пачку сигарет и зажигалку, привычным движением закурил, глубоко затянулся и принялся пускать клубы дыма.

Юноша медленно приподнялся и сел на кровати. Одно лишь это движение заставило его вспотеть. Его плотно сжатые губы побелели, а слабый вид вызывал невольное сочувствие.

Цзюнь Юй поморщился: запах табака ему неприятен, красивые брови сошлись на переносице. Но что он мог поделать в своем положении?

Вскоре надзиратель докурил и затушил окурок.

— Что у вас там в тюрьме произошло? — спросил он. — Тебя кто-то задирал, голову проломили? Врачи сказали, то, что ты выжил — настоящее чудо. У тебя на затылке столько швов, так сильно ударился.

— Нет, — ответил Цзюнь Юй хриплым голосом.

— Что? — надзиратель опешил, решив, что ослышался.

— Я сказал, никто меня не задирает. Я сам случайно ударился о стену.

Юноша распахнул свои большие влажные глаза, выглядя совершенно искренним и невинным. Глядя на него, надзиратель не мог не отметить, насколько хорош собой этот парень: кожа белее снега, ни единого изъяна. Особенно глаза — яркие, полные жизни. Высокая переносица, изящные губы, тонкие черты лица — все это вызывало лишь глубокий вздох.

Помолчав, надзиратель продолжил:

— Тебя продадут, а ты еще и деньги им пересчитывать будешь! Ты едва не погиб, а все равно их выгораживаешь?

— Никого я не выгораживаю. Я говорю правду, верите вы мне или нет, — ответил юноша с подчеркнуто серьезным и спокойным выражением лица.

— Парень, не знаю, почему ты их прикрываешь, но предупреждаю: в тюрьме есть камеры наблюдения. Лучше говори правду.

— Я и говорю правду, — тут же отозвался Цзюнь Юй. Услышав о камерах, он внешне остался невозмутим, но в душе заволновался.

Юноша на больничной койке сидел неподвижно, тихий, словно спокойная вода или осенний штиль, и в этой тишине сквозила аристократическая сдержанность и холодность, присущая выходцам из великих семей.

<http://bllate.org/book/21415/2186463>